

УДК 81'42; 81'37

UDC

DOI: 10.17223/18572685/52/11

СОМАТИЧЕСКИЙ КОД В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ПОСЛОВИЦАХ И ЧАСТУШКАХ*

И.В. Тубалова¹, Х. Ван²

Томский государственный университет
Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

¹E-mail: tina09@inbox.ru

²E-mail: wanghuakzxy@yandex.ru

Авторское резюме

В сопоставительном аспекте проанализированы содержание и принципы организации соматического кода разных восточнославянских культур, реализованного в русской, украинской и белорусской пословице и частушке. Результаты анализа восточнославянских пословиц сопоставлены с результатами анализа неславянских паремий, полученными другими исследователями. На основании проведенного анализа сделан вывод о том, что различия реализации соматического кода в русских, украинских и белорусских пословицах и частушках оказываются незначительными. При этом и в русском, и в украинском, и в белорусском фольклоре обнаруживаются выраженные отличия в жанровой реализации соматизмов как кодовых единиц, причем характер межжанровых различий в исследуемых культурах совпадает. Все это позволяет сделать вывод о том, что содержание и принципы организации соматического кода в фольклоре обладают выраженной жанровой спецификой. Национально-культурная специфика его реализации проявляется только в некоторых отдельных частных моментах.

Ключевые слова: пословица, частушка, соматический код, фольклорный жанр, национально-культурная специфика.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-02043).

SOMATIC CODE IN EAST SLAVIC PROVERBS AND DITTIES*

I.V. Tubalova¹, H. Wang²

Tomsk State University
36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

¹E-mail: tina09@inbox.ru

²E-mail: wanghuakzxy@yandex.ru

Abstract

The article aims at comparing the content and organization principles of the somatic code in Russian, Ukrainian and Belarusian proverbs and chastushkas as special folklore genres to identify the similarities and differences in its implementation, depending on the national-cultural and discursive-genre conditions. It can be concluded that differences in the somatic code implementation in Russian, Ukrainian and Belarusian proverbs and chastushkas are not significant. However, there are marked differences in the genre implementation of somatic systems as code units in Russian, Ukrainian and Belarusian folklore, with the types of inter-genre differences in the cultures under analysis coinciding. The authors conclude that the content and organization principles of the somatic code in folklore have obvious genre specificity. The national and cultural specificity of its realisation is manifested only in certain particular cases.

Keywords: proverb, chastushka, somatic code, folklore genre, national and cultural specificity.

Данная статья обращается к проблеме внутренней организации национальной культуры, зафиксированной в вербальных текстовых формах. Исследование способов «включения вербальных компонентов в культурный контекст и их функции в этом контексте» (Толстая 2013: 113) проведено на материале лексических единиц, называющих части тела человека (соматизмов), функционирующих в русских, украинских и белорусских фольклорных текстах.

Анализ лексического отражения национально-культурных кодовых смыслов – один из активно разрабатываемых аспектов реализации обозначенной проблематики (см. работы Ю.А. Башкатовой, Д.Б. Гудкова, К.Г. Завалишиной, М.Л. Ковшовой, М.Ч. Кремшокаловой, Н.Р. Ойноткиновой, Г. Синь-и, В.Н. Телии и др.). В работах такого типа

* The research is supported by the Russian Science Foundation Grant Nr. 16-18-02043.

лексическая единица языка рассматривается как один из видов знаков, в совокупности отражающих ценностную систему национальной культуры.

По наблюдению Н.И. Толстого, в сфере духовной культуры «элементы новой культуры не сметают и не сменяют элементы старой, а проникают в нее, сливаются с ней, вступают в различного рода соотношения, тем самым усложняя прежнюю систему, видоизменяя ее в значительной или меньшей степени, но, как правило, не разрушая ее» (Толстой 1995: 11). Это позволяет полагать, что содержание и внутренняя организация кодов, формируемых близкородственными национальными культурами, демонстрируют значительное сходство, отражая общность истоков культурного развития.

Цель данного исследования – сопоставить содержание и принципы организации соматического кода русской (рус.), украинской (укр.) и белорусской (белор.) национальных культур, реализованные в пословицах и частушках как особых фольклорных жанрах; выявить сходство и различия в его реализации, обусловленные национально-культурными и дискурсивно-жанровыми условиями.

Материал исследования – тексты русских, украинских и белорусских пословиц с соматизмами (453 русских / 260 украинских / 202 белорусских) и частушек¹ (537/86/256 соответственно). Указанные материалы являются результатом сплошной выборки из фольклорных сборников (Рыбникова 1961; Частушка 1966; Аникин 1983; Шумада 1985; Прыпеўкі 1989; Бардина 1997; Яніцька 2002; Іваницький 2008; Лепешаў, Якалцэвіч 2011; Северинюк 2014; Новак, Кастрыца, Панкова 2017; Дещо про коломийки 2018; Коломийки 2018).

Фольклорный дискурс обращается к содержанию национально-культурного кода, выраженного в вербальных единицах особым образом. Его цель («передача коллективного знания, стабилизирующего жизнь и участвующего в социализации индивидуума в данном национально-культурном коллективе» (Эмер 2011: 33)), прямая направленность на фиксацию национально-культурных ценностей (Цивьян 1973; Хроленко 1976, 1979; Никитина, 1993; Артеменко 1988, 2006; Неклюдов, 2005; Эмер 2011; Толстая 2013; Тубалова, 2016 и др.), а также его эстетически значимая форма, унаследовавшая мифологический принцип организации фольклорного мышления, определяют представление исследуемых смыслов в особо выпуклой конфигурации. Указанные свойства фольклора являются универсальными для любой национальной культуры.

Дискурсивно обусловленной текстовой единицей, в составе которой активизируется символическое значение кодового имени, является фольклорный жанр, реализующий ценностную позицию

особым образом. Исследуемые кодовые имена принимают участие в ее реализации, подчиняясь особой жанровой цели и включаясь в жанровый культурный код, который, в свою очередь, иерархически соотносится с общефольклорным и национально-культурным кодом.

Жанровые системы, реализующие разные национальные фольклорные практики, в целом различаются.

При этом жанровые принципы **пословицы** оказываются универсальными. Пословица в любой национальной фольклорной системе реализует механизмы «лексикографирования» национально-культурных ценностей, фиксируя их в перечне кратких клишированных, содержательно емких речений, к которым носитель соответствующей национальной культуры обращается для подтверждения собственной позиции как к источнику коллективного опыта.

Пословицы по своим жанровым установкам прямо ориентированы на трансляцию национально-культурных ценностей, усиленную дидактическим жанровым ракурсом (о реализации в пословице аксиологической и деонтической модальности см.: Крикманн 2013). В фокусе пословицы как логического суждения, включенного в систему логических суждений пословичного фонда культуры, находится не оценка, в основе которой коллективные ценности, а сам перечень этих ценностей, к которым в коммуникативном процессе субъект обращается для выражения оценки. В связи с этим в процессе восприятия пословицы кодовые смыслы прочитываются достаточно конкретно и однозначно: каждый соматизм, включенный в оценочное пословичное высказывание, становится носителем информации о различных ценностно значимых качествах человека.

Частушка, в отличие от пословицы, – жанр, который нельзя назвать для разных национальных фольклорных систем универсальным. Даже у интенционально близких частушке жанров – например, английский лимерик, с которым ее регулярно сравнивают, – исследователи выявляют выраженные отличия в эстетической форме, поэтических принципах представления содержания и под. (Ражева 2006; Жутовская 2013 и др.). При этом в том, что различным образом номинированные короткие озорные песенки, бытующие в фольклоре славянских народов (например, русским частушкам соответствуют «украинские коломыйки, козачки, шумки, чабарашки, талалайки, белорусские припевки, скакухи, плясушки, подскоки и т. д. и т. п.» (Бахтин 1966: 21)), характеризуются жанровым единством, исследователи не сомневаются. Так, В.С. Бахтин отмечает, что в данном жанре реализовалась общая логика развития фольклорных систем славянских народов, и обнаруживает между разными его славянскими вариантами генетические связи (Бахтин 1966: 21).

На основании этого, обращаясь к сопоставлению кодового содержания лексических единиц в русских, украинских и белорусских пословицах и частушках, мы можем поставить проблему следующим образом. Обусловлена ли его специфика особенностями национально-культурного кодирования смысла или ведущую роль в его реализации играет жанровая специфика функционирования исследуемых единиц, общая для рассматриваемых фольклорных систем?

Исследование проведено на материале лексических единиц, называющих части тела человека, – соматизмов, рассматриваемых как презентанты национально-культурного соматического кода, реализованного в пословицах и частушках.

Специфика реализации соматического кода в языковых единицах – достаточно востребованный объект внимания лингвистики. В основном в рассматриваемом аспекте исследуются кодовые смыслы соматизмов, включенных в идиоматические структуры фразеологических единиц (Селиверстова 1985; Силь-и Го 2005; Гудков, Ковшова 2007; Дмитрюк 2009; Муравьева 2013; Башкатова 2014; Савченко 2014 и др.), в том числе – в сопоставительном аспекте (Дмитрюк 2009; Муравьева 2013; Башкатова 2014; Савченко 2014 и др.). Отдельные работы обращаются к анализу кодового содержания соматизмов, функционирующих в пословице (Ойноткинова 2011; Кремшокалова 2012 и др.). Подобных исследований, проведенных на материале частушки, мы не обнаружили.

Соматический код характеризуется как один из базовых культурных кодов (наряду с пространственным, временным, предметным, биоморфным и духовным) (Красных 2002: 233). При этом даже среди базовых кодов он, по мнению исследователей, занимает особое место – как «наиболее древний из существующих», так как истоки его формирования связаны с основами мифологического мышления, с тем, что «человек начал постигать окружающий мир с познания самого себя» (Красных 2002: 233). Характеризуя принципы его формирования, исследователи обращают внимание на то, что «части тела или органы человека, выполняющие определенные соматические функции, в сознании носителей языка ассоциируются именно с этими нагрузками и выражают связанные с ними символические значения» (Ойноткинова 2011: 6). В связи с этим отметим, что содержание соматического кода культуры в наименьшей степени зависит от внешних условий существования ее носителей (например, природно-ландшафтных, способных влиять на содержание растительного или пространственного кодов) и определяется в основном внутренними духовными принципами ее развития.

На первом этапе исследования сопоставим содержание и принципы организации соматического кода разных восточнославянских

культур, реализованного в пословице как жанре национально-культурно универсальном. Тем самым выясним, обладают ли содержание и принципы организации соматического кода, реализованного в русских, украинских и белорусских пословицах, национально-культурной спецификой. Далее сопоставим полученные результаты с результатами анализа неславянских паремий (Дмитрюк 2009; Белая 2010; Ойноткинова 2011; Муравьева 2013) в том же аспекте. Выявим, обладает ли восточнославянская культура спецификой реализации соматического кода в паремиях на фоне неродственных культур.

На втором этапе сопоставим содержание и принципы организации соматического кода русской, украинской и белорусской культуры, реализованного в частушке как жанре, специфичном для славянского фольклора. Сопоставим принципы его реализации в восточнославянских пословицах и частушках. Выявим характер жанрово обусловленных различий его реализации.

Обратимся к анализу вербального соматического кода, реализованного в **пословице**.

В первую очередь рассмотрим количественные показатели, обнаруживающие «меру сфокусированности внимания» (Дмитрюк 2009) на разных частях тела в паремиологических системах восточнославянских культур.

Количественные данные показывают, что в русских, украинских и белорусских пословицах наиболее частотно используются одни и те же соматизмы – *глаза, голова, рука, сердце*, а уровень востребованности каждого из них в рассматриваемых паремиологических системах совпадает, что показывает табл. 1 (процентные показатели использованы в связи с неравновесным количеством привлеченного материала разных языков).

Таблица 1

Количество наиболее востребованных соматизмов в русских, украинских и белорусских пословицах (в % от общего количества зафиксированных соматизмов)

Соматизм	Пословицы		
	русские	украинские	белорусские
Голова	31	29	35
Рука	30	20	20
Глаза	12	12	12
Сердце	10	15	8
Нога	7	10	11

Помимо вышеназванных, русские, украинские и белорусские пословицы менее частотно, но одинаково регулярно используют

в процессах кодовой интерпретации названия таких частей тела человека, как *сердце, ноги, язык, зубы, плечи*, и только в единичных случаях интерпретируют кодовые смыслы через соматизмы *брови, борода, грудь, живот, лицо*.

Обращение к результатам исследований, выполненных на материале неславянских паремиологических систем, позволяет сделать вывод о том, что максимальная востребованность наиболее частотных соматизмов не является специфическим проявлением славянского паремиологического кода: единицы *глаза, голова, рука, сердце* также проявляют максимальную частотность в паремиологических системах казахской (Дмитрюк 2009) и алтайской (Ойноткинова 2011) культур.

При этом выявляются и различия. Они касаются единиц не самого высокого уровня частотности. Так, относительно регулярно привлекаемая в восточнославянских пословицах единица *зубы* слабо востребована в казахских паремиях (Дмитрюк 2009). Наоборот, в восточнославянских паремиях слабо востребованы единицы *лицо, шея, печень*. Значительно более частотно они используются в казахских паремиях (Дмитрюк 2009), а единица *печень* регулярна и для французских пословиц (Белая 2010). Кроме того, в казахских паремиях последовательно реализуются соматизмы *веко, голень, легкие, нёбо* (Дмитрюк 2009), практически не используемые в восточнославянских пословицах.

Далее выясним, обладает ли спецификой кодовое содержание соматизмов, реализованных в русских, украинских и белорусских пословицах.

В первую очередь обратим внимание на такое очевидное проявление единства восточнославянской культуры, как наличие значительного количества полностью совпадающих русских, украинских и белорусских пословиц с соматизмами. Соответственно, соматизмы в этом случае реализуют единое кодовое содержание. Отметим, что среди них как пословицы с высокочастотными соматизмами (*Дурная голова ногам покоя не дает* (рус.) – *За дурного головою і ногам горе* (укр.) – *За дурной галавой нагам неспакой* (белор.); *Глаза боятся, а руки делают* (рус.) – *Очі страхуються, а руки зроблять* (укр.) – *Вочы страшацца, а рукі зробяць* (белор.); *Ворон ворону глаз не выклюет* (рус.) – *Ворон ворону очей не виклює* (укр.) – *Груган гругану вока не выдзёўбе* (белор.)), так и пословицы с соматизмами низкой частотности (*Кровь не водица, проливать не годится* (рус.) – *Кров – не водица, проливати не годиться* (укр.) – *Кроў людская не вадзіца* (белор.)).

Максимально близким оказывается кодовое содержание русских, украинских, белорусских соматизмов не только в общих для рассматриваемых культур пословицах, но и в пословицах, полные аналоги

которых в других паремилогических системах в нашем материале не зафиксированы.

Проиллюстрируем данное наблюдение результатами анализа пословиц с высокочастотным для восточнославянских пословиц соматизмом *глаза*.

Кодовое содержание данного соматизма в восточнославянских пословицах связывается с ценностями, организованными вокруг различных форм взаимодействия человека с миром, где он маркирует проводник этого взаимодействия. Отношение «человек–мир» имеет два вектора – (1) от мира к человеку (восприятие мира) и (2) от человека к миру (приспособление к миру / воздействие на мир).

(1) Вектор восприятия мира представлен во всех исследуемых пословичных системах более частотно и подробно. В свою очередь, в его рамках ведущими по частотности оказываются два вида содержания: (1.1) *глаза* как инструмент познания мира – «ментально-духовное» восприятие и (1.2) *глаза* как зона уязвимости – «физическое восприятие».

(1.1) При участии соматизма *глаза*, реализующего кодовый смысл «инструмент познания мира», в русских, украинских и белорусских пословицах реализуется ценностное содержание, связанное с глубоким проникновением в суть вещей, противопоставленное их внешнему, поверхностному восприятию, невнимательности. Такая ценностная интерпретация оформляется через две практически противоположных оценочных характеристики этого «инструмента». С одной стороны, *глаза* предстают как неудачно избранный, поврежденный или функционально проигрывающий другому инструмент восприятия (*Глаза золотом запорошат – ничего не увидишь; Глазам воли не давай* (рус.); *Не очі бачать, а людина; не вуха чують, а душа; Бачать очі ревниві дальше, як орлині* (укр.); *Бачыць вока далека, а розум яшчэ далей; На адно вуха слепаваты, на адно вока глухаваты* (белор.) и др.), а с другой – как инструмент, без которого адекватное восприятие мира невозможно (*Глазами не досмотришь – мошноу дополнишь* (рус.); *Хто глядзіць вокам, той не пойдзе бокам* (белор.)), в том числе лучший в сравнении с другими инструментами (*Не вер чужому слову, а вер свайму воку* (белор.)).

(1.2) При участии соматизма *глаза*, реализующего кодовый смысл «зона уязвимости», в русских, украинских и белорусских пословицах реализуется ценностное содержание, связанное с расплатой человека за свои пороки: злопамятность (*Кто старое помянет – тому глаз вон* (рус.); *Хто старое ўспомніць, таму вока вон* (белор.)), зависть (*На солнышко во все глаза не взглянешь* (рус.)), ложь, оговор (*Обмова – полова: вітер її рознесе, але й очі засипле* (укр.); *Брахня прайдзе вочы выдрала* (белор.)), неумение признавать ошибки (*Бессовестным*

глазам не первый базар: они отморгаются (рус.); *Сором – не дим, очей не виіть*; *Бідному все вітер в очі віє* (укр.); *Бачым сучок у воку брата свайго, а бервяна ў сваім не заўважаем* (белор.) и др.

(2) Вектор, направленный от человека к миру, более последовательно реализуется при представлении *глаз* как органа прямого, непосредственного взаимодействия, ценностно интерпретирующего такой человеческий порок, как ложь, лесть: *В глаза и бога боится, и людей боится; а за глаза – никого не боится; Не говори правды в глаза, постыл не будешь* (рус.); *В очі лисицю, за очі вовчицю; В очі співає, а позаочі лає* (укр.); *Не той друг, што мёдам мажа, а той, хто праўду ў вочы кажа* (белор.) и др.

Еще один – менее частотно реализуемый – кодовый смысл такого типа представляет *глаза* как инструмент покровительственного воздействия на мир, ценностно интерпретирующий хозяйственность, заботу: *От хозяйского глаза жиреет и кот* (рус.); *Панскае вока каня гадуе* (белор.).

При максимальной общности кодовых смыслов соматизмов в восточнославянских пословицах некоторые частные, но системные различия также обнаруживаются.

Они проявляются в пословицах при помощи соматизмов, фиксирующих ценностную оппозицию внешнего / ложного восприятия мира и его внутреннего / истинного восприятия, где *глаза* номинируют полюс его ложного восприятия. Отметим, что такие пословицы в восточнославянских культурах не частотны (в нашем материале – 13 русских, 7 украинских и 2 белорусских), потому это наблюдение носит локальный характер.

Если соматизм *глаза* маркирует полюс ложного восприятия, то противоположный полюс истинного восприятия мира в пословицах исследуемых национальных культур маркируется по-разному.

В русских – это соматизмы *сердце, душа* (*Глаза без души слепы, уши без сердца глухи; Глазами плачет, а сердцем смеется; В очах мило, да в сердце постыло* и др.), которые в пословицах всех восточнославянских культур реализуют кодовый смысл духовности, искренности (*Хоч з перцем, та з щирим серцем; Від користі серце кам'яніє* (укр.); *Дзіця за руку бярэш – маці за сэрца; Рукі вымажаш – вадою памыеш, душу вымажаш – і мылам не адмыеш* (белор.)), в том числе в противопоставление рациональному началу (*Від малих дітей голова болить, а від великих – серце; Шабля ранить голову, а слово – душу; Чоловік у домі – голова, а жінка – душа* (укр.)). Таким образом, в русских пословицах такого типа истинное восприятие мира – это его духовное восприятие, а *глаза* – «инструмент бездуховного мировосприятия» (*глаза – сердце, душа*).

В украинских и белорусских пословицах полюс истинного восприятия мира маркируется единицей *розум* (*Око бачить далеко, а розум ще далі; У неука очі незрячі; Від очей мало користі, коли розум сліпий* (укр.); *Бачыць вока далёка, а розум яшчэ далей* (белор.) и др.), один из кодовых смыслов которого в пословицах всех восточнославянских культур как раз отражает ценность рационального начала в противовес духовному (*Доброта без разума пуста; И на милость разум нужен* (рус.); *Не силою роби, та розумом, не серцем, та обичаем* (укр.)). Таким образом, в украинских и белорусских пословицах такого типа истинное восприятие мира – это его рациональное восприятие, а *глаза* – «инструмент нерационального мировосприятия» (*глаза – ум, разум*).

Итак, кодовые смыслы, реализуемые соматизмом *глаза* в русских, украинских и белорусских пословицах, в целом совпадают.

Сравнивая результаты нашего исследования с результатами, полученными Н.Р. Ойноткиновой на материале алтайских пословиц (Ойноткинова 2011), можно сделать вывод о том, что в основном ценностные смыслы и функции соматизма *глаза* в восточнославянских и алтайских пословицах также совпадают. В алтайских пословицах, по данным Н.Р. Ойноткиновой, обнаруживаются даже те кодовые смыслы, которые для восточнославянских пословиц несут достаточно частный характер (например, «внимательность, забота, покровительство» – «смысловое противопоставление соматизмов *эки көстү* ‘с двумя глазами’ – *бир көстү* ‘с одним глазом’ в пословице передает значение ‘внимательный – невнимательный’: *Эззиниң көзи экү, / Ялчының көзи јавыс* ‘У хозяина два глаза (все заметит), / У слуги один глаз’» (Ойноткинова 2011: 7)). Отличие касается частностей: отмеченное Н.Р. Ойноткиновой функциональное смысловое противопоставление «один глаз – два глаза» – как показатель степени интенсивности воздействия на мир – в восточнославянских пословицах отсутствует.

В целом проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что содержание и принципы организации ядерной части реализованного в пословице соматического кода, выраженного в его наиболее частотных единицах, слабо зависит от специфики национальной культуры.

Различия в уровне «сфокусированности внимания» на разных частях тела человека в пословице нарастает по отношению к единицам, по степени частотности отражающим периферию соматического кода. При этом в близкородственных восточнославянских культурах эти различия не существенны, что очевидно с учетом их генетического родства.

Обратимся к анализу вербального соматического кода, реализованного в русской, украинской и белорусской **чапушке**.

Отметим, что в чапушках, в отличие от пословиц, некоторые соматизмы привлекаются исключительно как номинанты сюжетных

компонентов и не реализуют кодовые смыслы: *Меня мама била – ой!* – *Об скамейку **головой**: Ненагульна моя даченька Является домой* (рус.); *Коля, Коля, выйдзі ў поле, Разьбі камень **галавой**, Тады я табе паверу, Што ты любішся са мной* (белор.). Единицы, функционирующие подобным образом, мы к анализу не привлекаем.

Ядерная частушечная тематика – любовные отношения молодой пары. Именно в частушках такого типа соматизмы фиксируются наиболее регулярно. В частушках другой тематики, например политико-агитационной, соматизмы появляются крайне редко: либо при проникновении в них любовной тематики, либо при активизации общекультурных кодовых смыслов, через посредство которых осуществляется легитимация политически значимых фактов (*Помніць Леніна мы будзем, Будзем помніць і любіць, Як настаўніка і друга У **сэрцы** беражна насіць* (белор.)). Таким образом, соматизмы в частушке всех рассматриваемых национальных культур ограничивают свою функцию участием в представлении ценностей любовных отношений. Это отличает частушку от пословицы, ориентированной на отражение полной палитры национально-культурных ценностей.

Перечень наиболее частотных соматизмов, выполняющих в текстах рассматриваемого жанра кодовую функцию, во-первых, не различается в частушках всех восточнославянских культур, во-вторых, совпадает с перечнем наиболее частотных соматизмов пословицы (табл. 2) (исключение – единица *голова*, в кодовой функции востребованная слабо).

Таблица 2

Количество наиболее востребованных соматизмов в русских, украинских и белорусских частушках (в % от общего количества зафиксированных соматизмов)

Соматизм	Пословицы		
	русские	украинские	белорусские
Голова	5	3	4
Рука	9	8	18
Глаза	23	12	19
Сердце	31	24	30
Нога	10	16	9

Состав исследуемых единиц в сравнении с пословицей в частушках всех восточнославянских культур расширяется. И в русской, и в украинской, и в белорусской частушке он дополняется единицами *брови* (4/4/7²), *лицо* (3/24/2), *грудь* (7/4/2) и др., не обнаруженными в пословицах или зафиксированными единично.

«Синхронность» такого расширения указывает на то, что состав соматизмов в частушке определяется не национально-культурной, а жанровой ее спецификой, требующей подробного отражения и оценки широкого спектра любовных действий и чувств.

Сюжетная основа частушки задает корреляцию определенных соматизмов с типовым любовным сюжетом. В русских, украинских и белорусских частушках эти корреляции в основном совпадают. Так, соматизм *борода* в восточнославянских частушках последовательно участвует в оформлении сюжета, связанного с отношениями молодой девушки к нежеланному возрастному партнеру: *Ой, девки, беда, Куда мне деваться? По колено борода – Лезет целоваться!; А Ванечка, Ванечка, Ты мене не парочка: В тебе рыжа борода, А я девка молода; Ох, стар ты, мой стар, Он по пояс в воду стал. Ты утешь молоду: Стань по саму бороду* (рус.); *Ой летіла ластівочка понад тото поле. Я не піду за старого, бо борода коле* (укр.); *Я скакала, драпацела, За старога не хацела, Бо ў старога барада, А я дзеўка малада; Не дай бог, не дай бог Са старым займацца: Па калені барада – Лезе цалавацца* (белор.).

Зоны пересечения и различия кодовых смыслов соматизмов в восточнославянских частушках и пословицах в основном совпадают, подтверждая генетическое родство соответствующих культур. При этом, как и на материале пословиц, некоторые наблюдения по поводу национально-культурной специфики их функционирования в русских, украинских и белорусских частушках сделать можно.

Так, кодовое содержание соматизма *глаза*, реализуемое в восточнославянских пословицах (в одном из значений), в русских, украинских и белорусских частушках конкретизируется по единой модели: пословица – «инструмент взаимодействия», частушка – «инструмент любовного взаимодействия»: *Юбка клеш, юбка клеш, Юбка шамборами! Коль сама не хороша, Завлеку глазами!; Завлек ты меня Карими глазами. Сердце вынул из меня Походкой и словами; Говорят, я некрасива, А зачем мне красота? Только были бы у девушки Веселые глаза; У милого кари глазки, Кари, кареватые. Он завлек, а я люблю: Оба виноватые* (рус.); *Ах моя Марисю, мої сиві очі, Ледве мі сердечко досі не вискочи; Ой то ми ся подобали миленького очі, Не боюся ні шандарів, ні темної ночі; Там то брови, там то очі, Цілуй, цілуй: ще ся хоче. Капустяне листя Куру, Єдну люблю, десять дуру; Ой коб не ти, дівчинонько, і не твої очі, Не стояв би мій коничок до самої ночі* (укр.); *Ой, чык, Кацярынка, Чабоцікі красны. Чаго блішчаць, каго любяць Твае вочкі ясны?; Усё хадзіла я, збірала Кветкі верасовыя. Камсамольца палюбіла За вочкі вясёлыя; Ух, і вочкі мае, Што рабіць мне з вамі, Як убачыце хлапцоў, Міргаеце самі* (белор.).

Обратим при этом внимание на то, что в составе украинских частушечных соматизмов *глаза* составляют значительно меньшую часть

(12 %), чем в составе соматизмов русских (23 %) и белорусских (19 %) частушек. Анализ других соматизмов, реализуемых в восточнославянских частушках, показывает, что в украинских частушках аналогичное содержание реализует соматизм *лицо*, значительно более частотный в украинских частушках (24) в сравнении с русскими (3) и белорусскими (2): *Ой піду я, моя мамко, за такого хлопця, Щоби йому личко цвіло, як ружа з городця; Сніло ми ся передночі, Щось в поле горіло, А то мого миленького Личко рум'яніло; Ой легіно кивільненький, Набік шапку носиш, Кой не знаєш цілувати – Нащо личко просиш? Було, дівко, не давати хлопцям личко своє, То ми були не топтали подвір'ячко твоє* (укр.). Это позволяет сделать предположение о перераспределении кодовых функций, определяющем снижение количества случаев использования соматизма *глаза*.

Единая для русской, украинской и белорусской культуры модель межжанрового соотношения выявляется и при анализе соматизма *рука*: пословица – «активность», частушка – «активность любовного взаимодействия»: *Ох, я молода, Молодешенька. Милый под руку берет, Я радешенька; Меня милый провожал, На прощанье руку жал. Проводил, пошёл один, Давай, подруга, поглядим!; Поезд к станции подходит, И свисточек подает. Мил с вагончика выходит, Праву ручку подает* (рус.); *Чарувала руки, ноги, коня вороного, І ще буде чарувати хлопця молодого; Та нащо ми ручку даєш, Коли ня не знаєш, Та нащо ми на сердечку Жалю накладаєш?* (укр.); *Мілы мой, ідзі гарой, А я пайду даліначкай. Мілы мой, махні рукою, А я белай касыначкай; Вазьму мыльца, пайду мыцца На шырокую раку. Прыйдзець міленькі мірыцца, Падам правую руку* (белор.).

Однако только в белорусских частушках, помимо вышеназванного, достаточно отчетливо выделяется особый кодовый смысл рассматриваемого соматизма – «инструмент молодежного веселья», который активизируется в рамках сюжета, связанного с молодежным гуляньем: *Адчаго мне не гуляць Уроднага брата? Рукі, ногі не баляць, Скрыпачка напята; Чаму тады не гуляць, Як новая скрыпка? Рукі-нагі не баляць, Сярэдзіна гібка; Во цапер мне пагуляць, Ручкі-ножкі не баляць. А як будуць балеці – Буду дома сядзеці* (белор.). Отметим, что, по результатам количественных подсчетов, уровень сфокусированности внимания на соматизме *рука* в белорусских частушках (18) оказывается значительно выше, чем в русских (9) и украинских (8).

Таким образом, различия реализации соматического кода в русских, украинских и белорусских частушках оказываются незначительными.

При этом и в русском, и в украинском, и в белорусском фольклоре обнаруживаются выраженные отличия в жанровой реализации соматизмов как кодовых единиц, причем характер межжанровых различий в исследуемых культурах совпадает.

Все это позволяет сделать вывод о том, что содержание и принципы организации соматического кода в фольклоре обладают выраженной жанровой спецификой. Национально-культурная специфика его реализации в исследованном восточнославянском материале проявляется только в некоторых отдельных частных моментах.

Сопоставление зафиксированных в восточнославянских пословицах принципов реализации соматического кода с принципами его реализации в паремиях неродственных культур, выявленными в других исследованиях, показывает, что перечень наиболее частотных представляющих его единиц, а также принципы их использования также в основном совпадают. Это приводит к мысли о том, что значительную роль в реализации соматического кода играет общекультурный принцип формирования категории телесности.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Жанровую номинацию «частушка» мы используем как обобщенное наименование эквивалентных восточнославянских фольклорных форм: русской *частушки*, украинской *коломийки* (укр.), белорусской *прыпеўкі* (белор.).

2. Процент единиц в русской / украинской / белорусской частушке от общего количества зафиксированных в частушке соответствующей культуры соматизмов.

ЛИТЕРАТУРА

Аникин 1983 - Русские пословицы и поговорки / Под ред. В.П. Аникина. М.: Худ. лит., 1983. 431 с.

Артеменко 2006 - *Артеменко Е.Б.* Концептосфера и язык фольклора: характер и формы взаимодействия // Народная культура сегодня и проблемы ее изучения: сб. статей: материалы науч. регион. конф. 2004 г. Воронеж: ВГУ, 2006. С. 138–150.

Артеменко 1988 - *Артеменко Е.Б.* Принципы народно-песенного текстообразования. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1988. 174 с.

Бардина 1997 - Жили да были: Фольклор и обряды томских сибиряков / собирает и сост. П.Е. Бардина. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1997. 222 с.

Бахтин 1966 - *Бахтин В.С.* Раздумье о частушке // Частушка / вступ. ст., подготовка текста и прим. В.С. Бахтина. М.; Л.: Сов. писатель, 1966. С. 5–52.

Башкатова 2014 - *Башкатова Ю.А.* Соматический код культуры как предмет сопоставительного исследования // Сибирский филологический журнал. 2014. № 4. С. 220–228.

Белая 2010 - *Белая Е.Н.* Теоретические основы исследования языковых и речевых репрезентаций базовых эмоций человека (на материале русского и французского языков): дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2010. 210 с.

Гудков, Ковшова 2007 - *Гудков Д.Б., Ковшова М.Л.* Телесный код русской культуры: материалы к словарю. М.: Гнозис, 2007. 288 с.

Дмитрюк 2009 - *Дмитрюк Н.В.* Фразеологический соматикон как отражение архетипов языкового сознания этноса // Вопросы психолингвистики. 2009. № 10. С. 30–33.

Жутовская 2013 - *Жутовская Н.М.* «Мой миленок... старик из Перу»: английские лимерики и русские частушки // XVII Царскосельские чтения: материалы междунар. науч. конф. 23–24 апр. 2013 г. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2013. Т. 1. С. 279–283.

Красных 2002 - *Красных В.В.* Этнопсихолингвистика и лингвокультурология : курс лекций. М.: Гнозис, 2002. 284 с.

Кремшокалова 2012 - *Кремшокалова М.Ч.* Культурные коннотации в фольклорных текстах как маркеры национального мировидения (на материале русских и кавказских паремий) // Cuadernos de rusística española. 2012. № 8. P. 95–101.

Крикманн 2013 - *Крикманн А.* 1001 вопрос по поводу логической структуры пословиц // Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/krikmann1.pdf> (дата обращения: 11.01.2013).

Муравьева 2013 - *Муравьева А.И.* Лингвокультурологический аспект изучения соматической фразеологии неродственных языков // Вестник МГЛУ. 2013. Вып. 15 (675). С. 144–152.

Неклюдов 2005 - *Неклюдов С.Ю.* Семантика фольклорного текста и «знание традиции» // Славянская традиционная культура и современный мир. Сборник материалов научной конференции. М.: ГРЦРФ, 2005. Вып. 8. С. 22–41.

Никитина 1993 - *Никитина С.Е.* Устная народная культура и языковое сознание. М.: Наука, 1993. 187 с.

Ойноткинова 2011 - *Ойноткинова Н.Р.* Соматический код культуры в пословицах и поговорках алтайцев // Сибирский филологический журнал. 2011. № 3. С. 5–14.

Ражева 2006 - *Ражева Е.И.* Лимерик: непереводаемая игра слов или переводаемая игра формы? // Логический анализ языка. Концептуальные поля игры. М.: Индрик, 2006. С. 327–335.

Рыбникова 1961 - *Рыбникова М.А.* Русские пословицы и поговорки. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 229 с.

Савченко 2014 - *Савченко Л.В.* Функции соматического кода культуры в формировании фразеосистемы русского и украинского языков // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Сер. Филология. Социальные коммуникации. 2014. Т. 27 (66), № 2. С. 88–92.

Селиверстова 2015 - *Селиверстова Е.И.* Глаза как орган зрения и речи – сквозь призму русской фразеологии // И.А. Бодуэн де Куртенэ и мировая лингвистика: международн. конф. (У Бодуэновские чтения): труды и материалы. Казань, 2015. С. 310–313.

Синь-и 2005 - *Синь-и Г.* Соматический код в русской и китайской фразеологии // Телесный код в славянских культурах. М.: Институт славяноведения РАН, 2005. С. 30–40.

Толстая 2013 - *Толстая С.М.* Коды культуры и культурные концепты // Толстой Н.И., Толстая С.М. Славянская этнолингвистика: вопросы теории. М.: Институт славяноведения РАН, 2013. С. 109–113.

Толстой 1995 - *Толстой Н.И.* Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: Индрик, 1995. 512 с.

Тубалова 2016 - *Тубалова И.В.* Полифонический текст в устных личностно-ориентированных дискурсах. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2016. 370 с.

Хроленко 1976 - *Хроленко А.Т.* Лексика русской народной поэзии. Курск: Изд-во КГПИ, 1976. 64 с.

Хроленко 1979 - *Хроленко А.Т.* Семантическая структура фольклорного слова // Русский фольклор. Вопросы теории фольклора. Л., 1979. Т. 19. С. 147–156.

Цивьян 1973 - *Цивьян Т.В.* К семантике пространственных и временных показателей в фольклоре // Сб. статей по вторичным моделирующим системам. Тарту: Изд-во Тартусского ун-та, 1973. С. 13–17.

Частушка 1966 - *Частушка /* вступ. ст., подготовка текста и прим. В.С. Бахтина. М.; Л.: Сов. писатель, 1966. 610 с.

Эмер 2011 - *Эмер Ю.А.* Современный песенный фольклор. Когниции и дискурсы. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2011. 266 с.

Дещо про коломийки 2018 - *Дещо про коломийки //* Спадщина предків: культурно-історичний портал. URL: <http://spadok.org.ua/pokuttya/descho-pro-kolomuuku> (дата обращения: 12.02.2018).

Іваницький 2008 - *Іваницький А.І.* Хрестоматія з українського музичного фольклору (з поясненнями та коментарями). Вінниця: Нова книга, 2008. 520 с.

Коломийки 2018 - *Коломийки //* Мислене древо: Фольклорні записи: Запис Ю. Федьковича. URL: <http://www.myslenedrevo.com.ua/uk/Lit/F/Fedkovich/Folklore/Kolomyjky.html> (дата обращения: 15.03.2018).

Лепешаў, Якалцэвіч 2011 - *Лепешаў І.Я., Якалцэвіч М.* Тлумачальны слоўнік прыказак. Гродна, 2011. 667 с.

Новак, Кастрыца, Панкова 2017 - *Новак В.С., Кастрыца А.А., Панкова Н.М.* Фалькларыстыка: Малыя жанры беларускага фальклору: практычны дапаможнік. Гомель: ГДУ імя Ф. Скарыны, 2017. 43 с.

Прыпеўкі 1989 - *Прыпеўкі /* Уклад. тэкстаў І.К. Цішчанкі. Мінск: Навука і тэхніка, 1989. 432 с.

Северинюк 2014 - *Северинюк В.М.* Тематичний словник популярних українських прислів'їв та приказок з коментарями. Вид. 3-тє. Тернопіль: Начальна

книга Богдан, 2014. 176 с.

Шумада 1985 - Народ скаже – як зав'яже: Українські народні прислів'я, приказки, загадки, скоромовки / упоряд. Н.С. Шумада. Київ, 1985. 230 с.

Яніцька 2002 - Знайшов – не скач, згубив – не плач: Українські прислів'я, приказки, усталені вирази // упоряд. К.Л. Яніцька. Київ: Довіра, 2002. 200 с.

REFERENCES

Anikin, V.P. (ed.) (1983) *Russkie poslovietsy i pogovorki* [Russian proverbs and sayings]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.

Artemenko, E.B. (2004) Kontseptosfera i yazyk fol'klora: kharakter i formy vzaimodeystviya [Conceptosphere and language of folklore: the nature and forms of interaction] In: Akatkin, V.M. et al. *Narodnaya kul'tura segodnya i problemy ee izucheniya* [Folk culture today and problems of its study]. Voronezh: Voronezh State University. pp. 138–150.

Artemenko, E.B. (1988) *Printsiipy narodno-pesennogo tekstoobrazovaniya* [Principles for creating a folk song text]. Voronezh: Voronezh State University.

Bardina, P.E. (1997) *Zhili da byli: Fol'klor i obryady tomskikh sibiriyakov* [Once upon a time: Folklore and rites of Tomsk Siberians]. Tomsk: Tomsk State University.

Bakhtin, V.S. (1966) Razdum'e o chastushke [Thinking of a chastushka] In: Bakhtin, V.S. (ed.) *Chastushka* [Chastushka]. Moscow; Leningrad: Sovetskiy pisatel'. pp. 5–52.

Bashkatova, Yu.A. (2014) Somaticheskii kod kul'tury kak predmet sopostavitel'nogo issledovaniya [The somatic code of culture as a subject of comparative study]. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Philology*. 4. pp. 220–228.

Belaya, E.N. (2010) *Teoreticheskie osnovy issledovaniya yazykovykh i rechevykh reprezentatsiy bazovykh emotsiy cheloveka (na materiale russkogo i frantsuzskogo yazykov)* [Theoretical bases of research of language and speech representations of basic human emotions (in the Russian and French languages)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Omsk.

Gudkov, D.B. & Kovshova M.L. (2007) *Telesnyy kod russkoy kul'tury: materialy k slovaryu* [The bodily code of Russian culture: materials for the dictionary]. Moscow: Gnozis.

Dmitryuk, N.V. (2009) Idiomatic somatikon as the reflection of ethnic language consciousness archetypes. *Voprosy psikholingvistiki – Journal of Psycholinguistics*. 10. pp. 30–33 (In Russian).

Zhutovskaya, N.M. (2013) ["My darling ... an old man from Peru": English Lim-ricks and Russian chastushkas]. *XVII Tsarskosel'skie chteniya* [The Seventeenth Tsarskoye Selo Readings]. Proc. of the International Conference. St. Petersburg. April 23–24, 2013. St. Petersburg. pp. 279–283 (In Russian).

Kremshokalova, M.Ch. (2012) Kul'turnye konnotatsii v fol'klornykh tekstakh kak markery natsional'nogo mirovideniya (na materiale russkikh i kavkazskikh paremiy) [Cultural connotations in folklore texts as markers of the national world view (on the basis of Russian and Caucasian paroemias)]. *Cuadernos de rusistica espanola*. 8. pp. 95–101.

Krikmann, A. (2013) *1001 vopros po povodu logicheskoy struktury posloviits* [1001 questions about the logical structure of proverbs]. [Online] Available from: <http://www.ruthenia.ru/folklore/krikmann1.pdf> (Accessed: 11th January 2013).

Muravyeva, A.I. (2013) Lingvokul'turologicheskiy aspekt izucheniya somaticheskoy frazeologii nerodstvennykh yazykov [Linguistic and cultural aspect of the study of somatic phraseology of unrelated languages]. *Vestnik MGLU – Bulletin of the Moscow State Linguistic University*. 15(675). pp. 144–152.

Neklyudov, S.Yu. (2005) Semantika fol'klornogo teksta i "znanie traditsii" [Semantics of folk text and "knowledge of tradition"] In: Dobrovolskaya, V.Ye. & Kotelnikova, N.Ye. (eds) *Slavyanskaya traditsionnaya kul'tura i sovremennyy mir* [Slavic traditional culture and the modern world]. Issue 8. Moscow: State Republican Center of Russian Folklore. pp. 22–41.

Nikitina, S.E. (1993) *Ustnaya narodnaya kul'tura i yazykovoie soznanie* [Oral folk culture and language consciousness]. Moscow: Nauka.

Oynotkinova, N.R. (2011) Somaticheskii kod kul'tury v posloviitsakh i pogovorkakh altaytsev [Somatic code of culture in Altaian proverbs]. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Philology*. 3. pp. 5–14.

Razheva, E.I. (2006) Limerik: neperevodimaya igra slov ili perevodimaya igra formy? [Limerick: an untranslatable play of words or a translatable play of the form?] In: Arutyunova, N.D. (ed.) *Logicheskii analiz yazyka. Kontseptual'nye polya igry* [Logical analysis of the language. Conceptual fields of the game]. Moscow: Indrik. pp. 327–335.

Rybnikova, M.A. (1961) *Russkie posloviitsy i pogovorki* [Russian proverbs and sayings]. Moscow: USSR AS.

Savchenko, L.V. (2014) Funktsii somaticheskogo koda kul'tury v formirovanii frazeosistemy russkogo i ukrainskogo yazykov [Functions of the somatic code of culture in the formation of the phraseological system of the Russian and Ukrainian languages]. *Uchenyye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Ser. "Filologiya. Sotsial'nyye kommunikatsii"*. 66(2). pp. 88–92.

Seliverstova, E.I. (2015) Glaza kak organ zreniya i rechi – skvoz' prizmu russkoy frazeologii [Eyes as an organ of sight and speech – through the prism of Russian phraseology] In: Galiullin, K.R., Gorobets, Ye.A. & Nikolayev, G.A. (eds) *I.A. Boduen de Kurtene i mirovaya lingvistika* [I.A. Baudouin de Courtenay and world linguistics]. Kazan: Kazan State University. pp. 310–313.

Sin-I, G. (2005) Somaticheskii kod v russkoy i kitayskoy frazeologii [Somatic code in Russian and Chinese phraseology]. In: Zlydnev, N.V. (ed.) *Telesnyy kod*

v *slavyanskikh kul'turakh* [Bodily code in Slavic cultures]. Moscow: Institute of Slavic Studies, RAS. pp. 30–40.

Tolstaya, S.M. (2013) Kody kul'tury i kul'turnye kontsepty [Codes of culture and cultural concepts]. In: Tolstoy, N.I. & Tolstaya, S.M. *Slavyanskaya etnolingvistika: voprosy teorii* [Slavic Ethnolinguistics: Problems of Theory]. Moscow: Institute of Slavic Studies, RAS. pp. 109–113.

Tolstoy, N.I. (1995) *Yazyk i narodnaya kul'tura: Ocherki po slavyanskoj mifologii i etnolingvistike* [Language and folk culture: Essays on Slavic mythology and ethnolinguistics]. Moscow: Indrik.

Tubalova, I.V. (2016) *Polifonicheskiy tekst v ustnykh lichnostno-orientirovannykh diskursakh* [Polyphonic text in oral personal-oriented discourses]. Tomsk: Tomsk State University.

Khrolenko, A.T. (1976) *Leksika russkoy narodnoy poezii* [Lexis of Russian folk poetry]. Kursk: Kursk State Pedagogical University.

Khrolenko, A.T. (1979) Semanticheskaya struktura fol'klornogo slova [Semantic structure of the folklore word]. In: Gorelov, A.A. (ed.) *Russkiy fol'klor. Voprosy teorii fol'klora* [Russian folklore. The Theory of Folklore]. Vol. 19. Leningrad: Nauka. pp. 147–156.

Tsivyan, T.V. (1979) K semantike prostranstvennykh i vremennykh pokazateley v fol'klоре [On semantics of spatial and temporal indices in folklore]. In: Lotman, Yu.M. (ed.) *Sbornik statey po vtorichnym modeliruyushchim sistemam* [Collection of Articles on Secondary Modeling Systems]. Tartu: Tartu University. pp. 13–17.

Bakhtin, V.S. (ed.) (1966) *Chastushka* [Chastushka]. Moscow; Leningrad: Sovetskiy pisatel'.

Emer, Yu.A. (2011) *Sovremennyy pesennyi fol'klor. Kognitsii i diskursy* [Modern song folklore. Cognitions and discourses]. Tomsk: Tomsk State University.

Spadok.org.us. (2018) *Deshho pro kolomyjky* [Something about kolomyjka]. [Online] Available from: <http://spadok.org.ua/pokuttya/descho-pro-kolomyjky> (Accessed: 22nd February 2018).

Ivanytskiy, A.I. (2008) *Hrestomatija z ukrai'ns'kogo muzychnogo fol'kloru (z pojasnennjamy ta komentarjamy)* [Textbook on Ukrainian music folk (with explanations and comments)]. Vinnytsia: Nova Kniga.

Fedkovych, Yu. (2018) *Kolomyjky* [Kolomyjka]. [Online] Available from: <http://www.myslenedrevo.com.ua/uk/Lit/F/Fedkovich/Folklore/Kolomyjky.html>. (15th March 2018).

Liepiešaŭ J.A. & Jakalcjevich, M. (2011) *Tlumačalny sloŭnik prykazak* [Explanatory Dictionary of proverbs]. Grodno: [s.n.].

Novak, V.S., Kastryt'sa, A.A. & Pankova, N.M. (2017) *Fal'klarystyka: Malyja zhanry belaruskaga fal'kloru: praktychny dapamozhnik* [Folklore: Small Belarusian folklore genres: a practical guide]. Gomel: Gomel State University.

Цішчанкі, І.К. (ed.) (1989) *Прыпewкі* [Pripevkas]. Minsk: Navuka I Tekhnika.

Severynyuk, V.M. (2014) *Tematychnyy slovnyk populyarnykh ukrayins'kykh*

prysliv'yiv ta prykazok z komentaryamy [Thematic dictionary of popular Ukrainian proverbs and commentary notes]. Ternopil: Nachal'na knyha Bohdan.

Shumada, N.S. (1985) *Narod skazhe – yak zav'yazhe: Ukrayins'ki narodni prysliv'ya, prykazky, zahadky, skoromovky* [The people say as they tie: Ukrainian folk proverbs, sayings, riddles, scribbles]. Kyiv: Veselka.

Yanitska, K.L. (2002) *Znayshov – ne skach, z-hubyv – ne plach: Ukrayins'ki prysliv'ya, prykazky, ustaleni vyrazy* [Do not jump when found something, do not cry when ruined: Ukrainian proverbs, sayings, set-expressions]. Kyiv: Dovira.

Тубалова Инна Витальевна – доктор филологических наук, профессор кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета (Россия).

Inna V. Tubalova – Tomsk State University (Russia).

E-mail: tina09@inbox.ru

Ван Хуа – аспирант кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета (Россия).

Ghya Wang – Tomsk State University (Russia).

E-mail: wanghuakzxy@yandex.ru